

Особенности идентичности женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Михаил Ю. Кузьмин^{1,2*}, Елена И. Миронова², Оксана А. Осипенок²

¹ ФГБНУ «Научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека», г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

* E-mail: mirroy@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7538-8375>, <https://orcid.org/0000-0001-5121-1834>,
<https://orcid.org/0000-0001-5200-3244>

Аннотация

Введение. Рассматриваются особенности идентичности женщин различного возраста и этнической принадлежности в кризисные и межкризисные периоды. Новизна заключается в анализе особенностей идентичности женщин русского, бурятского и смешанного этноса в кризисные периоды вне зависимости от возрастного этапа.

Методы. Использованы: «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда, «Твоя линия жизни» А. Кроника, СЭИ-тест Е. Л. Солдатовой.

Результаты. Вне зависимости от используемой периодизации кризисных и межкризисных периодов зрелого возраста уровень достигнутой идентичности в кризисный период оказывается выше, а уровень спутанной идентичности – ниже, чем в период между кризисом. Различия в статусах идентичности оказываются присущи преимущественно женщинам русского этноса. У женщин, относящих себя к бурятскому этносу или женщинам со смешанной этнической принадлежностью, никаких существенных различий по основным шкалам методики СЭИ-тест не обнаружено. Обнаружены основные возрастные периоды, на которые приходится различия в статусах идентичности. Различия в статусе достигнутой идентичности приходится на возрастной период между 35-ю и 46-ю годами, а по уровню спутанной идентичности – на возрастной период старше 46-ти лет. Женщины в межкризисном периоде репрезентуют большее число событий, которое произойдет с ними в будущем, равно как и их период жизни, субъективно относящийся к будущему; женщины в кризисный период только при статусе достигнутой идентичности отличаются более подробной репрезентацией своего будущего. Женщины русского этноса в кризисный период своей жизни планируют свое будущее в связи с достигаемой ими уникальной идентичностью, а женщины бурятского этноса – преимущественно исходя из приписываемых им социальных ролей.

Обсуждение результатов. Результаты сравниваются с работами как отечественных, так и зарубежных авторов. Анализируются различия в полученных результатах, обусловленные разницей в выборках, культурных аспектах, а также подходах к изучаемой проблеме.

Ключевые слова

идентичность, средний возраст, кризис идентичности, динамика идентичности, статус идентичности, этнос, кризисный период, межкризисный период

Основные положения

- ▶ в зрелом возрасте у женщин в кризисные и межкризисные периоды различаются статусы идентичности: в кризисный период возрастает статус достигнутой идентичности и снижается статус спутанной;
- ▶ в межкризисный период субъективная репрезентация своей жизни женщинами оказывается более подробной, включает большее число событий, которое произойдет с ними в будущем, равно как и их период жизни, субъективно относящийся к будущему; однако при этом женщины с преобладанием статуса достигнутой идентичности в кризисный период дают более подробную репрезентацию своего будущего;
- ▶ статусы идентичности у женщин в кризисный и межкризисный периоды различаются в зависимости от их этнической принадлежности: если женщины русского этноса в кризисный период своей жизни планируют свое будущее в связи с достигаемой ими уникальной идентичностью, то женщины бурятского этноса – преимущественно исходя из приписываемых им социальных ролей.

Для цитирования

Кузьмин, М. Ю., Миронова, Е. И. и Осипенок, О. А. (2019). Особенности идентичности женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды. *Российский психологический журнал*, 16(3), 72–86. doi: 10.21702/rpj.2019.3.6

Дата получения рукописи: 13.02.2019

Дата окончания рецензирования: 11.09.2019

Дата принятия к публикации: 15.09.2019

Введение

Изучение идентичности и ее кризиса в последнее время активно изучается как в отечественной, так и в зарубежной психологии. В отечественной психологии, вместе с тем, рассмотрение данного вопроса обычно затрагивает ранние этапы развития идентичности: младший школьный возраст (Коротаева, 2011; Богданова, 2000; Гармаева, 2010; Микляева и Румянцева, 2008; и др.), подростков, лиц юношеского возраста (Калинина и Холмогорова, 2007; Иванова и Мазилова, 2008; и др.), либо их сравнение друг с другом (Кузьмин, 2015, 2016). Сходная ситуация наблюдается и в зарубежных исследованиях: развитие статусов идентичности привлекает внимание (De Goede, Branje, & Meeus, 2009; Crocetti, Fermani, Pojaghi, & Meeus, 2011; Meeus, van de Schoot, Keijsers, Schwartz, & Branje, 2010) именно применительно к подростковому возрасту. Гораздо меньше внимания уделяется особенностям идентичности последующих возрастных этапов.

Отчасти это, безусловно, связано с тем, что в период взросления кризисные возрастные периоды оказываются наиболее определенными (например, кризисы 7-ми, 13-ти и 17-ти лет в периодизации Л. С. Выготского (по Левченко, 2016)). Дальнейшая периодизация развития человека, как это следует, например, из работ Эриксона (1996), не имеет столь же однозначных рамок.

В зарубежной психологии достаточно мало работ, посвященных проблеме развития идентичности в более зрелые периоды развития личности, и практически нет исследований,

посвященных ее становлению в кризисном возрастном периоде. Большинство исследователей (Fadjukoff, Pulkkinen, & Kokko, 2016; Carlsson, Wängqvist, & Frisén, 2015; Kroger, Martinussen, & Marcia, 2010) показали, что с возрастом как мужчины, так и женщины, идут по пути все большего роста доли достигнутой идентичности и все меньшего – диффузной. Однако разделения между тем, как этот процесс происходит в период кризисного возраста и вне его, не проводилось. Отчасти это связано с неодинаковым подходом к разделению самих этапов взрослости на кризисные и межкризисные. Обобщив различные периодизации (Степановой (2000), Ганзена и Головей (Ганзен, 2001), Моргуна и Ткачева, Братуся (по Манукян, 2002), и др.), Солдатова (2007) акцентировала внимание на кризисах периода взрослости, которые могут быть водоразделами, отделяющими друг от друга несхожие этапы жизни. Так, Е. И. Степанова определяет такие кризисные этапы во взрослом возрасте, как периоды в 25–26 и 35–36 лет. В. А. Ганзен и Л. А. Головей выделяют кризисные этапы в 19–21 год, 25–27 лет, 32–35 лет, 40 и 50–65 лет. По В. Ф. Моргуну и Н. Ю. Ткачевой, кризисными являются периоды, соответственно, 18–23 лет, 30 лет, 40 лет и 50–55 лет. По Б. С. Братусю, периоды жизни, с прохождением которых наиболее часто связаны личностные сдвиги: 28–34 года, 40–45 лет, 50–55 лет.

В целом можно заключить, что данные классификации, с одной стороны, чрезвычайно широко раздвигают рамки кризиса (например, на 15 лет, согласно классификации В. А. Ганзена и Л. А. Головей), а с другой стороны, не вполне совпадают друг с другом. Соответственно, определить, какая из них позволяет оптимально дифференцировать друг от друга различные периоды жизни и, соответственно, выявить специфику идентичности на каждом из них, возможно только эмпирически.

В данном исследовании мы поставили задачу проанализировать особенности идентичности личности в зависимости от того, на каком этапе – в кризисный период или в период между кризисами – она находится. Хотя кризисный период между одними возрастными этапами обладает качественной спецификой по сравнению с любым другим, мы постарались выявить своеобразие в идентичности, отличающее ее именно в кризисном этапе от этапа между кризисами. Чтобы исключить влияние дополнительных переменных, мы взяли только женскую выборку испытуемых от 18 до 74 лет. Развитие идентичности у женщин имеет свою специфику, однако она изучалась в психологии (например, Caffarella & Olson, 1993; Josselson, 1996). Соответственно, ее можно учесть при анализе полученных данных.

Методы

В исследовании приняли участие женщины 18–74 лет в количестве 477 человек различной этнической принадлежности. Испытуемыми выступили девушки и женщины-студентки ИФИЯМ ИГУ, так и лица, проходившие ежегодный плановый медицинский профилактический осмотр при участии ФГБНУ НЦ ПЗСРЧ г. Иркутска на базе НИУ ИРНИТУ, ИАПО «Иркут», ОГБУЗ «Боханская районная больница», с. Бохан. Дифференцирование испытуемых по этнической принадлежности проводилось на основании указания ими своего этноса, а также этнической принадлежности своих родителей.

Для проведения исследования мы использовали методику тест-структуры эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. Л. Солдатовой (Солдатова, 2007), «Твоя линия жизни» А. Кроника в его бланковом варианте (Лидерс, 2008), а также методику «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда (Kuhn & McPartland, 1954) с авторским способом обработки (Кузьмин, 2018). Обработка полученных данных осуществлялась с помощью t-критерия Стьюдента

и U-критерия Манна – Уитни (указывались нормализованные z-значения), когда использовалась порядковая шкала, а также однофакторного дисперсионного анализ (ANOVA) и H-критерия Крускала – Уоллеса. Корреляционный анализ проводился с использованием критерия корреляции Пирсона. Вычисления осуществлялись в программе SPSS 23.0.

Результаты

Дифференциация испытуемых по кризисным и межкризисным этапам развития в зависимости от классификации представлена в таблице 1.

Периодизация		Этническая принадлежность				
		Русские	Буряты	Метисы	Всего	
Классификация Е. И. Степановой	Кризисные периоды	Число	88	40	13	141
		%	18,4%	8,4%	2,7%	29,6%
	Периоды между кризисами	Число	194	101	41	336
		%	40,7%	21,2%	8,6%	70,4%
Классификация В. А. Ганзена и Л. А. Головей	Кризисные периоды	Число	122	87	23	232
		%	26,8%	19,1%	5,1%	51,0%
	Периоды между кризисами	Число	161	42	20	223
		%	35,4%	9,2%	4,4%	49,0%
Классификация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой	Кризисные периоды	Число	101	30	11	142
		%	21,2%	6,3%	2,3%	29,8%
	Периоды между кризисами	Число	181	111	43	335
		%	37,9%	23,3%	9,0%	70,2%
Классификация Б. С. Братуся	Кризисные периоды	Число	114	64	27	205
		%	23,9%	13,4%	5,7%	43,0%
	Периоды между кризисами	Число	168	77	27	272
		%	35,2%	16,1%	5,7%	57,0%

Как следует из таблицы 1, в исследовании приняли участие преимущественно девушки и женщины, относящие себя к русскому этносу; 30,4 % выборки отнесли себя к бурятскому этносу, 10,5 % составили девушки и женщины, указавшие свое смешанное этническое происхождение. При этом в зависимости от классификации общее число испытуемых, которых можно было отнести к кризисному либо межкризисному периоду, могло меняться.

На первом этапе мы изучали различия в идентичности женщин и девушек, используя методику Е. Л. Солдатовой «СЭИ-тест». Поскольку D-статистика Колмогорова – Смирнова оказалась незначимой для шкал данной методики, при сравнении полученных данных использовался t-критерий Стьюдента.

Таблица 2

Различия статусов идентичности у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Шкала	Статус	Классификация Е. И. Степановой		Классификация В. А. Ганзена и Л. А. Головей		Классификация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой		Классификация Б. С. Братуся	
		t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень
Основная шкала	Достигнутая	2,21	0,03	1,34	0,18	3,87	0,00	-0,68	0,50
	Спутанная	-2,62	0,01	-1,21	0,23	-2,26	0,02	0,16	0,88
	Пред-решенная	-0,44	0,66	0,27	0,79	-2,05	0,04	1,22	0,22
Шкала ответственности за выбор	Достигнутая	3,37	0,00	0,56	0,58	4,06	0,00	-0,51	0,61
	Спутанная	-2,12	0,03	-0,39	0,70	-2,18	0,03	0,03	0,98
	Пред-решенная	-3,10	0,00	0,05	0,96	-3,19	0,00	1,16	0,25
Сила эго	Достигнутая	1,14	0,26	-0,15	0,88	1,61	0,11	-0,85	0,40
	Спутанная	-2,59	0,01	-0,58	0,57	-2,36	0,02	1,14	0,26
	Пред-решенная	1,13	0,26	1,11	0,27	1,03	0,30	-0,08	0,94
Осознанность жизненного пути	Достигнутая	0,68	0,50	2,12	0,03	2,27	0,02	-1,74	0,08
	Спутанная	0,63	0,53	-2,91	0,00	-0,67	0,50	-0,38	0,70
	Пред-решенная	-1,82	0,07	0,85	0,40	-1,68	0,09	2,54	0,01
Эмоциональная зрелость	Достигнутая	1,14	0,25	0,47	0,64	0,91	0,37	-0,82	0,41
	Спутанная	-1,35	0,18	-0,96	0,34	-0,62	0,54	1,63	0,10
	Пред-решенная	-0,41	0,68	0,77	0,44	-0,24	0,81	-0,56	0,58

Таблица 2

Различия статусов идентичности у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Шкала	Статус	Классификация Е. И. Степановой		Классификация В. А. Ганзена и Л. А. Головей		Классификация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой		Классификация Б. С. Братуся	
		t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень	t-критерий	p-уровень
Принятие настоящего	Достигнутая	1,04	0,30	2,17	0,03	1,10	0,27	-0,59	0,56
	Спутанная	-2,86	0,00	0,34	0,73	-0,89	0,37	0,36	0,72
	Предрешенная	1,72	0,09	-3,34	0,00	-0,30	0,76	0,57	0,57
Осознанность собственных ценностей	Достигнутая	0,93	0,35	-0,87	0,38	4,82	0,00	1,55	0,12
	Спутанная	-1,61	0,11	0,67	0,50	-3,79	0,00	-2,63	0,01
	Предрешенная	0,14	0,89	0,47	0,64	-1,42	0,16	0,89	0,38
Шкала соответствия себе	Достигнутая	-0,31	0,76	1,74	0,08	0,99	0,32	0,55	0,58
	Спутанная	-1,92	0,05	-0,29	0,77	0,65	0,51	0,31	0,76
	Предрешенная	2,30	0,02	-1,49	0,14	-1,84	0,07	-0,83	0,41

Согласно полученным данным по классификации Е. И. Степановой, у женщин, находящихся в периоде возрастного кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, наблюдаются различия по таким основным шкалам методики СЭИ-тест, как достигнутая ($t = 2,21$, $p < 0,03$) и спутанная ($t = -2,62$, $p < 0,01$) идентичности. При этом основные различия связаны с такими субшкалами, как «ответственность за выбор – достигнутая идентичность» ($t = 3,37$, $p < 0,01$), «ответственность за выбор – спутанная идентичность» ($t = -2,12$, $p < 0,03$) и «ответственность за выбор – предрешенная идентичность» ($t = -3,1$, $p < 0,01$), а также субшкалами, относящимися к «спутанной идентичности – соответствию себе» ($t = -1,92$, $p < 0,05$), «принятию настоящего» ($t = -2,86$, $p < 0,01$) и «силе эго» ($t = -2,59$, $p < 0,01$).

По классификации В. А. Ганзена и Л. А. Головей, различий по основным шкалам методики СЭИ-тест у женщин, находящихся в периоде возрастного кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, не обнаружено. Они связаны только с рядом субшкал: «осознанность жизненного пути – достигнутая идентичность» ($t = 2,12$, $p < 0,03$) и «осознанность жизненного пути – спутанная идентичность» ($t = -2,91$, $p < 0,01$), а также шкалой «принятие настоящего – достигнутая идентичность» ($t = 2,17$, $p < 0,03$).

По классификации В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой, у женщин, находящихся в периоде возрастного кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, наблюдаются различия по таким основным шкалам методики СЭИ-тест, как достигнутая ($t = 3,87, p < 0,01$), спутанная ($t = -2,26, p < 0,02$) и предрешенная ($t = -2,05, p < 0,04$) идентичности. Различия связаны со всеми субшкалами, относящимися к шкалам «ответственность за выбор» ($t = 4,06, t = -2,18, t = -3,19$ соответственно, $p < 0,01$) и «осознанность собственных ценностей» ($t = 4,82, t = -3,79$ для достигнутой и спутанной идентичности соответственно, $p < 0,01$).

Наконец, по классификации Б. С. Братуся, у женщин, находящихся в периоде возрастного кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, нет различий по основным шкалам методики СЭИ-тест. Есть только различия по нескольким компонентам различных субшкал: «осознанность собственных ценностей – спутанная идентичность» ($t = -2,63, p < 0,01$), «осознанность жизненного пути – предрешенная идентичность» ($t = 2,54, p < 0,01$).

В целом можно заключить, что в зависимости от используемых классификаций, у женщин, находящихся в кризисном возрастном периоде, и женщин, находящихся вне этого периода, различия по выраженности идентичности приходятся как на различные субшкалы, так и на различные основные шкалы. Тем не менее, если сравнить статусы идентичности в период кризисного возраста или вне его, то можно сделать следующий вывод: вне зависимости от классификации уровень достигнутой идентичности в кризисный период оказывается выше, а уровень спутанной идентичности – ниже, чем в период между кризисом.

Разделение испытуемых женщин по этнической принадлежности показало следующее. Основные различия у женщин, находящихся в периоде возрастного кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, по шкалам СЭИ-тест связаны с женщинами, относящими себя к русскому этносу, и приходятся на спутанную идентичность ($t = 2,1, p < 0,01$ для классификаций Е. И. Степановой, и В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой) и на достигнутую идентичность ($t = 3,4, p < 0,01$ для классификации В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой). У женщин, относящих себя к бурятскому этносу или женщинам со смешанной этнической принадлежностью, никаких существенных различий по основным шкалам методики СЭИ-тест не обнаружено.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, нет классификации, позволяющей однозначно выделить особенности идентичности женщин, переживающих период возрастного кризиса или находящихся вне его. В зависимости от классификации, различия будут связаны с различными статусами идентичности. Вместе с тем, можно заключить, что в кризисный период у женщин в целом статус достигнутой идентичности оказывается более выражен, а статус спутанной – менее выражен, чем у женщин вне этого статуса. При этом данная особенность в большей мере присуща женщинам репродуктивного возраста (до 46-ти лет) (Наделяева, Сутурина, 2018), относящимся к русскому этносу.

Мы также предприняли попытку сопоставить, какой возрастной этап вносит наибольший вклад в различия идентичности у женщин, переживающих период возрастного кризиса или находящихся вне его. Однако сделать это удалось, только используя классификацию Е. И. Степановой. По результатам многомерного дисперсионного анализа оказалось, что основные различия в уровне достигнутой идентичности у женщин, переживающих период возрастного кризиса или находящихся вне его, приходятся на возрастной период между 35-ю и 46-ю годами ($F = 2,41, p < 0,01$), а по уровню спутанной идентичности – на возрастной период старше 46-ти лет ($F = 2,43, p < 0,01$). При этом данные различия оказываются присущи женщинам русского этноса.

На втором этапе мы изучали, как отличается субъективная картина жизненного пути у женщин в зависимости от того, кризисный или межкризисный период жизни ими переживается. При помощи методики «Ваша линия жизни» было установлено следующее.

Таблица 3

Субъективная картина жизненного пути у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Классификация			Общее число собы- тий	Репре- зента- ция прош- лого	Репре- зента- ция собы- тий прош- лого	Репре- зента- ция буду- щего	Репре- зента- ция собы- тий буду- щего	Конец собы- тий- ного перио- да
Класси- фикация Е. И. Степа- новой	Периоды	Md	7	7,5	4	7	2	55
	между кризисом	Qr (25,75)	6	2,975	3	5	3	19
	Кризисный	Md	8	5	4	6,8	4	40,5
	период	Qr (25,75)	6	4,05	4	6	4	18,5
Класси- фикация В. А. Ганзена и Л. А. Головей	Периоды	Md	7	6,5	4	7,2	3	45
	между кризисом	Qr (25,75)	6	3,4	3	5	3	21
	Кризисный	Md	7	8	5	6,5	2	56
	период	Qr (25,75)	6	3,175	4	5,175	4	13
Класси- фикация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой	Периоды	Md	6	7,4	4	7	2	50
	между кризисом	Qr (25,75)	5	3,125	3	4,85	3	20,5
	Кризисный	Md	9	6,8	4	6	4	52
	период	Qr (25,75)	5	4,675	4	4,85	3	25
Класси- фикация Б. С. Братуся	Периоды	Md	7	7,2	4	6	2	50
	между кризисом	Qr (25,75)	5	4,1	3	5,2	3	23
	Кризисный	Md	7	7,3	4	7,5	3	52
	период	Qr (25,75)	6	2,8	3	5	3	16,5

Согласно критерию Манна – Уитни, по классификации Е. И. Степановой, у женщин как репродуктивного (до 46-ти лет), так и старше репродуктивного возраста (после 46-ти лет) существуют значимые различия по субъективной значимости прошлого ($Z = 7,6$, $p < 0,01$), числу репрезентируемых событий в будущем ($Z = 4$, $p < 0,01$), равно как и концу событийного периода ($Z = 4,3$, $p < 0,01$).

При этом анализ таблицы позволяет сделать вывод, что испытуемые женщины, возраст которых не является кризисным по данной классификации, имеют более удаленный конец событийного периода, а также указывают больше событий, которые, возможно, произойдут с ними в будущем. Хотя, по медиане, такие женщины указывают больше событий в своем прошлом, однако при этом у них ниже размах числа таких событий.

В случае использования классификации В. А. Ганзена и Л. А. Головей также обнаруживаются различия, приходящиеся на субъективную значимость прошлого ($Z = 7,1, p < 0,01$), число репрезентируемых событий в будущем ($Z = 3,1, p < 0,01$) и в прошлом ($Z = 3,2, p < 0,01$), равно как и конец событийного периода ($Z = 2,9, p < 0,01$). Однако в этом случае, наоборот, у женщин, находящихся в кризисном возрастном периоде, событийный период оказывается более удаленным, хотя событий в будущем указывается и меньшее число.

По классификации В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой, различия между женщинами, возраст которых приходится на межкризисный или кризисный период, отличаются не только по общему числу указываемых событий ($Z = 4,2, p < 0,01$), но и по субъективной значимости прошлого ($Z = 4, p < 0,01$), числу репрезентируемых событий в будущем ($Z = 2,8, p < 0,01$), равно как и концу событийного периода ($Z = 2,1, p < 0,03$).

Наконец, по классификации Б. С. Братуся мы не обнаружили значимых различий по данным периодам.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В целом, вне зависимости от используемых классификаций, женщины в межкризисном периоде репрезентируют большее число событий, которое произойдет с ними в будущем, равно как и их период жизни, субъективно относящийся к будущему. Исключением тут является только классификация Б. С. Братуся. При этом нельзя однозначно утверждать, что конец событийного периода жизни как-либо зависит от того, в кризисном возрасте или нет находится испытуемая: это зависит от используемой периодизации.

Интересная динамика также связана с концом событийного периода – возрастом, после которого испытуемые переставали указывать какие-либо значимые события будущего. Если в ранней зрелости конец событийного периода удален на 5–7 лет и в среднем равен 30-ти годам, то уже в первой половине средней зрелости он оказывается равен ее окончанию – 35 лет, а во втором ее периоде у женщин в среднем оказывается меньше, чем возраст самих женщин. Получается, что женщины, начиная со второго периода средней зрелости, как бы «перезживают» себя, оставляя событийный период своей жизни в прошлом.

Дополнительный анализ показал, что выявленные различия оказываются присущи прежде всего женщинам, относящим себя к русскому этносу. У них существуют значимые различия, как и в общем числе репрезентируемых событий ($H = 19,9, p < 0,01$), так и по субъективной значимости прошлого ($H = 48,8, p < 0,01$), числу репрезентируемых событий в будущем ($H = 17,6, p < 0,01$) и его субъективной значимости ($H = 27,5, p < 0,01$), равно как и концу событийного периода ($H = 29,2, p < 0,01$). Наоборот, у женщин-буряток различия есть только по субъективной значимости прошлого ($H = 8,1, p < 0,05$) и концу событийного периода ($H = 6,1, p < 0,05$). У женщин-метисок различий не обнаружено вовсе.

Мы также провели корреляционный анализ статусов идентичности и репрезентации своей жизни женщинами в кризисный и межкризисный периоды. Как следует из корреляционного анализа, между шкалами методики СЭИ-тест и особенностями репрезентации своей жизни испытуемыми-женщинами в межкризисный период существуют отдельные несистематические

связи, меняющиеся от классификации к классификации. Достаточно стабильными представляются отрицательные связи между репрезентацией испытуемыми событий прошлого и статусом спутанной идентичности, и положительные – со статусом достигнутой идентичности.

Таблица 4

Связь субъективной картины жизненного пути и статусов идентичности у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Классификация	Шкалы	Общее число событий	Репре-	Репре-	Репре-	Репре-	Конец	
			зентация	зентация	зентация	зентация	собы-	
			прош-	событий	буду-	событий	тийного	
			лого	прош-	щего	будущего	периода	
			Межкризисный период					
Классификация Е. И. Степановой	Достигнутая идентичность	,139*	,055	,140*	,037	,101	,021	
	Спутанная идентичность	-,051	,008	-,058	-,022	-,033	-,101	
	Предрешенная идентичность	-,231**	-,092	-,122*	-,023	-,100	,118	
Классификация В. А. Ганзена и Л. А. Головей	Достигнутая идентичность	,076	-,014	,108	-,024	,181**	,017	
	Спутанная идентичность	-,113	,046	-,063	,014	-,127	-,145	
	Предрешенная идентичность	-,205**	-,048	-,075	,017	-,091	,176	
Классификация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой	Достигнутая идентичность	,086	,111	,167**	-,031	,060	,073	
	Спутанная идентичность	-,054	-,026	-,132*	-,007	-,143*	-,196*	
	Предрешенная идентичность	-,060	-,124*	-,061	,055	-,036	,153	
Классификация Б. С. Бра-туся	Достигнутая идентичность	,169*	-,013	,206**	-,067	,095	,011	
	Спутанная идентичность	-,015	,017	-,164*	,045	-,063	-,097	
	Предрешенная идентичность	-,184*	-,005	-,066	,035	-,051	,120	

Таблица 4

Связь субъективной картины жизненного пути и статусов идентичности у женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды

Классификация	Шкалы	Общее число событий	Репрезентация	Репрезентация	Репрезентация	Репрезентация	Конец
			прошлого	прошлого	будущего	будущего	событийного периода
Период кризиса							
Классификация Е. И. Степановой	Достигнутая идентичность	,329**	-,158	,200**	-,088	,265**	,061
	Спутанная идентичность	-,281**	,091	-,202**	-,070	-,213*	-,143
	Предрешенная идентичность	-,087	,106	-,009	,235*	-,090	,085
Классификация В. А. Ганзена и Л. А. Головей	Достигнутая идентичность	,289**	,012	,195*	,038	,315**	,064
	Спутанная идентичность	-,297**	,041	-,107	-,091	-,252**	-,085
	Предрешенная идентичность	-,131	-,070	-,124	,069	-,088	,022
Классификация В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой	Достигнутая идентичность	,206**	-,166	,184*	,188*	,239**	-,057
	Спутанная идентичность	,020	,132	,011	-,133	-,187*	,082
	Предрешенная идентичность	-,097	,039	-,179*	-,070	-,120	-,045
Классификация Б. С. Браутуся	Достигнутая идентичность	,194*	,029	,092	,101	,183*	,070
	Спутанная идентичность	-,171*	,084	,001	-,127	,015	-,102
	Предрешенная идентичность	-,050	-,156*	-,133	,028	-,138	,036

Наоборот, вне зависимости от классификации в ситуации кризиса наблюдаются тесные связи между общим числом репрезентируемых событий и статусом достигнутой и спутанной

идентичности (положительные и отрицательные соответственно, с уровнем значимости $p < 0,01$). При этом в наибольшей степени они связаны с репрезентацией женщинами событий своего будущего. Получается, что в кризисный период, чем более выражен у женщины статус достигнутой идентичности, тем более тщательно она относится к планированию своего будущего, а чем более выражен статус спутанной идентичности, тем меньше внимания уделяется этому вопросу. В межкризисный период данная тенденция не наблюдается.

Связи между шкалами методики СЭИ-тест и репрезентацией женщинами своей жизни на части выборки, относящейся к русскому этносу, не отличаются от полученных на всей выборке. Вместе с тем мы обнаружили своеобразие связей, относящихся к бурятской части выборки. Оказалось, что для женщин-буряток в кризисный период наиболее характерной оказывается положительная связь между репрезентацией своего будущего и статусом предрешенной идентичности ($r = 0,39$, $p < 0,01$). Кроме того, наблюдается связь между концом событийного периода и статусом предрешенной идентичности ($r = 0,33$, $p < 0,01$). Получается, что если у женщин русского этноса более тщательная репрезентация своего будущего связана со статусом достигнутой идентичности, то у женщин бурятского этноса – предрешенной. Иными словами, если женщины русского этноса в кризисный период своей жизни планируют свое будущее в связи с достигаемой ими уникальной идентичностью, то женщины бурятского этноса – преимущественно исходя из приписываемых им социальных ролей.

Наконец, на третьем этапе мы рассмотрели особенности распределения ответов на вопрос методики «Двадцать утверждений» у женщин в зависимости от того, относится ли их возраст к кризисному либо межкризисному периоду. Однако мы не обнаружили однозначных различий в выраженности того или иного компонента ни по одной из используемых классификаций – Е. И. Степановой, В. А. Ганзена и Л. А. Головей, В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой, или Б. С. Братуся. Например, по классификации Е. И. Степановой, у испытуемых, возраст которых определяется как кризисный, оказывается более выраженным семейный компонент идентичности ($z = 2,8$, $p < 0,01$). Однако полученные результаты не подтверждаются ни в одной другой классификации. С другой стороны, по классификации Б. С. Братуся, в возрасте кризиса у женщин оказывается более выражен личностный компонент идентичности ($z = 2,05$, $p < 0,05$). Однако данное различие не подтверждается в других классификациях.

Обсуждение результатов

Прежде всего мы установили, что хотя в зависимости от используемых классификаций у женщин, находящихся в периоде кризиса, и женщин, находящихся вне этого периода, различия по выраженности идентичности приходятся на различные шкалы, однако вне зависимости от классификации уровень достигнутой идентичности в кризисный период оказывается выше, а уровень спутанной идентичности – ниже, чем в период между кризисом. При этом такая тенденция характерна для двух из четырех рассмотренных классификаций – Е. И. Степановой, В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой.

Полученные нами результаты не совпадают выводами, сделанными как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. По данным Fadjukoff, Pulkkinen, & Kokko (2016), с возрастом женщины идут по пути все большей доли достигнутой идентичности и все меньшей – диффузной. Эта тенденция затрагивала различные аспекты жизни: религиозные убеждения, политические предпочтения, карьеры, интимно-личностные отношения и образ жизни. Авторы обнаружили, что женщины, как правило, численно превосходят мужчин по степени выраженности достигнутой идентичности на более ранних возрастных этапах, однако ближе

к 50-ти гендерные различия уменьшились в большинстве областей (исключая религиозную составляющую, где мужчины демонстрируют спутанную идентичность) (Fadjukoff, Pulkkinen, & Kokko, 2016). Аналогично, по результатам Kroger, Martinussen, & Marcia (2010), статус достигнутой идентичности также возрастает до 30–36 лет, а статус моратория, наоборот, снижается. В работе Солдатовой (2007) также показано, что в кризисные возрастные периоды показатели автономной идентичности возрастают, а диффузной – снижаются.

На наш взгляд, противоречие полученных результатов с выводами других авторов может быть обусловлено различными причинами. С одной стороны, это может быть связано с размытостью границ кризисных возрастных периодов – что следует из несовпадения друг с другом различных возрастных периодизаций. Соответственно, кризисные этапы, пересекаясь с межкризисными, вносят интерференцию в полученные результаты.

Кроме того, мы обнаружили, что различия в статусах идентичности оказываются присущи исключительно представительницам русского этноса; ни у женщин бурятского этноса, ни у женщин, имеющих смешанное этническое происхождение, различий в кризисный и межкризисный возрастные периоды мы не обнаружили. Можно предположить, что использованные нами классификации Е. И. Степановой, В. А. Ганзена и Л. А. Головей, В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой, и Б. С. Братуся разрабатывались на выборке представителей русского этноса; в противном случае затруднительно объяснить, почему различия в идентичности не касаются представителей других этнических групп.

Различия в выраженности идентичности в зависимости от их культурной принадлежности неоднократно описывались в литературе (например, Abu-Rayya & Abu-Rayya (2009) акцентировали внимание на особенностях идентичности мусульман-австралийцев, Pals (2006) – на особенностях специфики нарративной идентичности в зависимости от этнической принадлежности, Gfellner & Cordoba (2017) – на особенностях силы эго у коренных жителей Америки, Mohanty (2013) – у азиатов, а McLean & Pasupathi (2012) – на общих вопросах специфики их развития в зависимости от этноса). По-видимому, такие же особенности имеются у коренных жителей Восточной Сибири, что и обуславливает отсутствие различий в статусах идентичности в зависимости от возрастного периода.

Кроме того, оказалось, что вне зависимости от используемых классификаций женщины в межкризисном периоде репрезентируют большее число событий, которое произойдет с ними в будущем, равно как и их период жизни, субъективно относящийся к будущему. При этом нельзя однозначно утверждать, что конец событийного периода жизни как-либо зависит от того, в кризисном возрасте или нет находится испытуемая: это зависит от используемой периодизации. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, имеет ту же природу, что и несовпадающие различия в идентичности: размытость границ кризисных возрастных периодов влечет за собой то, что кризисные этапы, пересекаясь с межкризисными, вносят интерференцию в полученные результаты. При этом, согласно полученным данным, все-таки можно утверждать, что в межкризисные периоды субъективная репрезентация своего прошлого и особенно будущего у женщин получается более определенной.

Ограничения исследования

Данное исследование отражает процесс работы по более общей проблеме, посвященной изучению идентичности у взрослых испытуемых в зависимости от их гендерной, этнической, а также религиозной принадлежности, семейного статуса. Соответственно, представленные в нем результаты не являются заключительными. В частности, мы не указывали семейный статус женщин выборки, ограничившись лишь их этнической принадлежностью и возрастом.

Мы рассчитываем восполнить данный пробел в дальнейших исследованиях.

Заключение

Полученные данные и их анализ позволяют заключить следующее:

- у женщин в зрелом возрасте вне зависимости от периода кризиса существуют особенности статуса идентичности, отличные от межкризисного периода: возрастает статус достигнутой идентичности и снижается статус спутанной;
- женщины в межкризисном периоде репрезентируют большее число событий, которое произойдет с ними в будущем, равно как и их период жизни, субъективно относящийся к будущему; при этом женщины с преобладанием статуса достигнутой идентичности в кризисный период дают более подробную репрезентацию своего будущего;
- существует этническая специфика как особенностей статусов идентичности и репрезентации своей жизни в кризисный и межкризисный периоды, так и связи между ними. Если женщины русского этноса в кризисный период своей жизни планируют свое будущее в связи с достигаемой ими уникальной идентичностью, то женщины бурятского этноса – преимущественно исходя из приписываемых им социальных ролей.

Литература

- Богданова, Н. А. (2000). *Психологические трудности развития Я-идентичности младших школьников* (дисс. ... канд. психол. наук). Тула.
- Ганзен, В. А. (2001). К системному описанию онтогенеза человека. В В. А. Ганзен, Л. А. Головей, *Психология развития* (с. 81–97). СПб.: Питер.
- Гармаева, Т. В. (2010). Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 2(10). Источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/310-garmaeva10.html>
- Иванова, Н. Л. и Мазилова, Г. Б. (2008). Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях. *Вопросы психологии*, 2, 83–93.
- Калинина, О. Г. и Холмогорова, А. Б. (2007). Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков. *Вопросы психологии*, 1, 15–26.
- Коротаева, А. И. (2011). Динамика развития гендерной идентичности младших школьников. *Ярославский педагогический вестник*, 2(4), 241–244.
- Кузьмин, М. Ю. (2018). Динамика связи компонентов идентичности и ее статусов у студентов. *Сибирский психологический журнал*, 69, 69–84. doi: [10.17223/17267080/69/4](https://doi.org/10.17223/17267080/69/4)
- Кузьмин, М. Ю. (2015). Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста. *Сибирский психологический журнал*, 58, 61–75. doi: [10.17223/17267080/58/4](https://doi.org/10.17223/17267080/58/4)
- Кузьмин, М. Ю. (2016). Особенности динамики идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста. *Сибирский психологический журнал*, 62, 54–66. doi: [10.17223/17267080/62/5](https://doi.org/10.17223/17267080/62/5)
- Левченко, В. А. (2016). Идеи деятельности и идеи социальных отношений в трудах Л. С. Выготского и его последователей. *Молодой ученый*, 27.1, 18–20. Доступ 06 декабря 2018, Источник <https://moluch.ru/archive/131/35955/>
- Лидерс, А. Г. (2008). *Психологическое обследование семьи*. М.: Академия.
- Манукян, В. Р. (2002). Классификация и психологическое содержание кризисов во взрослом периоде развития. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Философия и соц.-полит. науки. Деп. в ИНИОН РАН 26.11.02 № 57613*. Издательство Санкт-Петербургского университета.

- Микляева, А. В. и Румянцева, П. В. (2008). *Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
- Наделяева, Я. Г. и Сутурина, Л. В. (2018). Синдром поликистоза яичников и менопауза. *Доктор. Ру*, 10(154), 47–50. doi: [10.31550/1727-2378-2018-154-10-47-50](https://doi.org/10.31550/1727-2378-2018-154-10-47-50)
- Солдатова, Е. Л. (2007). *Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография*. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ.
- Степанова, Е. И. (2000). *Психология взрослых: Экспериментальная Акмеология*. СПб.: Алетейя.
- Эриксон, Э. (1996). *Детство и общество* (пер. с англ.). СПб.: Университетская книга.
- Abu-Rayya, M. H., & Abu-Rayya, H. M. (2009). Ethnic identification, religious identity, and psychological well-being among Muslim and Christian Palestinians in Israel. *Mental Health, Religion & Culture*, 12(2), 147–155. doi: [10.1080/13674670802387330](https://doi.org/10.1080/13674670802387330)
- Caffarella, R. S., & Olson, S. K. (1993). Psychosocial development of women: a critical review of the literature. *Adult Education Quarterly*, 43, 125–151.
- Carlsson, J., Wängqvist, M., & Frisén, A. (2015). Identity development in the late twenties: A never ending story. *Developmental Psychology*, 51(3), 334–345. doi: [10.1037/a0038745](https://doi.org/10.1037/a0038745)
- Crocetti, E., Fermani, A., Pojaghi, B., & Meeus, W. (2011). Identity Formation in Adolescents from Italian, Mixed, and Migrant Families. *Child Youth Care Forum*, 40, 7–23. doi: [10.1007/s10566-010-9112-8](https://doi.org/10.1007/s10566-010-9112-8)
- De Goede, I., Branje, S., & Meeus, W. (2009). Developmental changes and gender differences in adolescents' perceptions of friendships. *Journal of Adolescence*, 32, 1105–1123.
- Fadjukoff, P., Pulkkinen, L., & Kokko, K. (2016). Identity formation in adulthood: A longitudinal study from age 27 to 50. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 16(1), 8–23, doi: [10.1080/15283488.2015.1121820](https://doi.org/10.1080/15283488.2015.1121820)
- Gfeller, B. M., & Cordoba, A. I. (2017). Identity Problems, Ego Strengths, Perceived Stress, and Adjustment During Contextual Changes at University. *Identity*, 17(1), 25–39. doi: [10.1080/15283488.2016.1268961](https://doi.org/10.1080/15283488.2016.1268961)
- Josselson, R. (1996). *Revising herself: The story of women's identity from college to midlife*. New York, NY, US: Oxford University Press.
- Kroger, J., Martinussen, M., & Marcia, J. E. (2010). Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*, 33, 683–698. doi: [10.1016/j.adolescence.2009.11.002](https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2009.11.002)
- Kuhn, M. H., & McPartland, T. S. (1954). The Empirical Investigation of Self-attitude. *American Sociological Review*, 19, 68–76.
- McLean, K. C., Pasupathi, M. (2012). Processes of Identity Development: Where I Am and How I Got There. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 12(1), 8–28, doi: [10.1080/15283488.2011.632363](https://doi.org/10.1080/15283488.2011.632363)
- Meeus, W., van de Schoot, R., Keijsers, L., Schwartz, S. J., & Branje, S. (2010). On the Progression and Stability of Adolescent Identity Formation: A Five-Wave Longitudinal Study in Early-to-Middle and Middle-to-Late Adolescence. *Child Development*, 81(5), 1565–1581.
- Mohanty, J. (2013). Ethnic and racial socialization and self-esteem of Asian adoptees: The mediating role of multiple identities. *Journal of Adolescence*, 36(1), 161–170. doi: [10.1016/j.adolescence.2012.10.003](https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2012.10.003)
- Pals, J. L. (2006). Narrative Identity Processing of Difficult Life Experiences: Pathways of Personality Development and Positive Self-Transformation in Adulthood. *Journal of Personality*, 74(4), 1079–1110. doi: [10.1111/j.1467-6494.2006.00403.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00403.x)

Конфликт интересов отсутствует